

Леонид Зорин: Я бы не хотел, чтобы Покровские ворота остались лишь названием пьесы и фильма

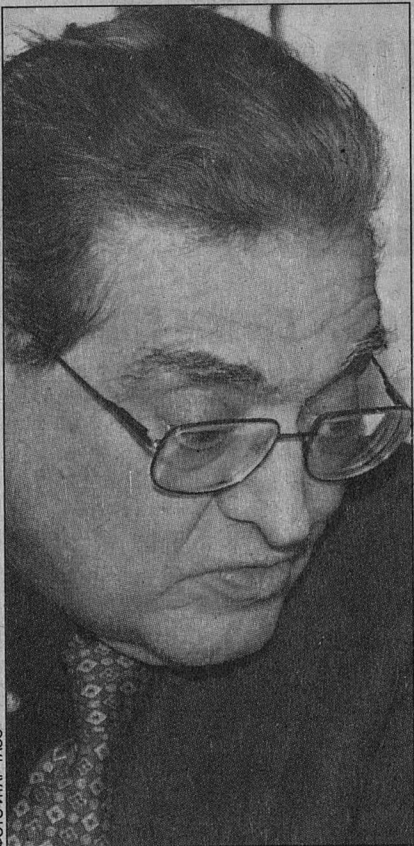

ФОТО ИТАР-ТАСС

Знаменитому драматургу, а в последние годы и удачливому прозаику Леониду Зорину — 80. Вроде бы время подведения итогов и пожатия лавров. Но Леонид Генрихович все пишет и пишет. А журналы и издательства едва успевают публиковать. Его прежние «маленькие романы» были финалистами различных литературных премий, а за роман «Трезвенник» Зорин стал лауреатом премии имени Аполлона Григорьева, которую присуждает Академия русской современной словесности. В 2004 году журнал «Знамя» опубликовал еще два зоринских «маленьких романа» — «Забвение» и «Сансара», в ближайших планах редакции — третий. Театры продолжают ставить старые, но отчего-то не устаревшие пьесы Леонида Зорина. А телевидение знает себе крутит его «Покровские ворота». И вот сколько оно их крутит, столько мы их смотрим. Накануне солидного юбилея мы встретились с Леонидом Генриховичем и задали ему несколько вопросов.

— С момента выхода вашей автобиографической книги «Авансцена» прошло уже много лет. За это время вы опубликовали целый ряд великолепных «маленьких романов». Что-то не припомню ни у кого ничего подобного. Вы что же, этот жанр сами придумали?

— Пришел к нему, как говорится, «эмпирическим путем». Во-первых, Гете прав: «писать умеют подмастерья, зачеркивать — лишь мастера». Во-вторых, ритм сегодняшней жизни подсказывает и ритм произведения — более упругий и динамичный. Я убедился, что объем «маленького романа» дает возможность вместить многое и сказать о многом. Та же «Сансара» и историческое повествование, и книга о современности.

— В одном из романов, кажется, в «Забвении», вы пишете, что провинциал, поздно попавший в столицу, самоутверждается с вызовом. Вы, урожденный бакинец, попали в Москву вовремя?

— Я приехал в 1948 году, в очень суровое время. Мне было двадцать четыре года. На моих глазах начиналась «борьба с космополитизмом», очередная волна жестоких репрессий. В те дни «самоутвердиться» означало попросту — выжить.

— В том же «Забвении» вы иронически отнеслись к известной формуле: «если не будешь заниматься политикой, она займется тобой»...

— Совершенно верно. Мой герой очень внятно заявляет: «С утра до вечера, весь этот срок, от звонка до звонка только и слышишь со всех сторон ваши угрозы и заклинания: «Не отсидишься! Не устроишься!.. Не хочешь заниматься политикой? Тогда она займется тобой». И дьявол с ней! — говорит он на это. — Пусть эта стерва мной занимается, если ей нечего больше делать и нечем заняться, кроме меня. Значит, фатально не повезло. Быть посему. Не пофартило. Я заниматься ею не буду. Этого от меня не дождутся».

— Герой «Забвения» Алексей Головин говорит, что демократии предпочитает меритократию, то есть власть достойных. Кто, по-вашему, эти достойные люди?

— Меритократия — мечта человечества с времен Перикла и Солона. Приятно представить себе в руководстве

Костика, Хоботова, Савву, Велюрова, Людочку (Милочку), Маргариту Павловну, Алису Витальевну и других любимых персонажей старого доброго фильма Михаила Козакова по пьесе Леонида Зорина мы рады видеть по телевизору, на видеокассетах, на CD, DVD и любых других носителях

Альберта Швейцера, доктора Газа, Антона Чехова и Андрея Сахарова. Да это несбыточная мечта — окажись они нашими лидерами, мы бы их сразу же заштыпили. И все же мысли о меритократии вряд ли когда-либо нас оставят.

— Вы часто вспоминаете в ваших произведениях князя Горчакова. В «Сансаре» он и вовсе главный герой. Чем объясняется ваш интерес к этой фигуре?

— Драматизмом судьбы «счастливца с первых дней», как называл его Пушкин. Этот выдающийся министр иностранных дел чувствовал «чуждость» и даже враждебность Европы и вместе с тем отчетливо сознавал, что историческая дорога России неотторжима от западной цивилизации. В противном случае «нас пожрет азиатчина». Причем

«не та, что вокруг нас, а та, что внутри нас».

— В «Сансаре» вы предлагаете неожиданный вариант реинкарнации князя Горчакова почти полтора века спустя...

— Наш современник Горбунов, который в жизни скорей неудачник, и впрямь мало напоминает «счастливца с первых дней». Но он близок ему и своим интересом к судьбе страны, и направлением мыслей, и строем чувств — я бы сказал, своей тайной тоской.

— Театр имени Вахтангова вновь обратился к вашей «Царской охоте», а Михаил Козаков сделал телевизионный спектакль по вашей «Медной бабушке». А ведь этим пьесам много лет: одной — тридцать, другой — тридцать пять...

— Автору, разумеется, приятно, что эти произведения обнаружили свою живучесть. В одном из них утверждает, что цена любви выше государственных целей, в другом — что трагедия гения не столько в его оппозиционности, сколько в почти неизбежном одиночестве. Это все нестареющие вопросы. Скоро сорок лет моей «Варшавской мелодии», она тоже продолжает идти на сценах страны, только что спектакль с Юлией Борисовой и Михаилом Ульяновым в главных ролях показали по телевидению. Продолжают свою жизнь «Покровские ворота», «Транзит». Владимир Наумов серьезно думает об экранизации «Римской комедии» («Диона»). Всем этим работам по тридцать-сорок лет. В масштабах истории срок ничтожный, но для человеческой жизни он не так уж мал.

— Подарки принято дарить непосредственно в день рождения. Но кто-то ведь уже успел порадовать вас в связи с предстоящим юбилеем?

— Издательство «Время» как раз на днях выпустило двухтомник моей прозы. Кроме «маленького романа» «Завещание Гранда», который выйдет в журнале «Знамя» в начале 2005 года, туда вошли все мои последние работы. Это издание сильно улучшило мое настроение в эти грустные дни — полиграфия особенно порадовала сердце старого книжника. А завтра мой друг, выдающийся артист нашего времени Владимир Алексеевич Андреев впервые покажет на сцене Театра имени Ермоловой моих «Невидимок». Пользуюсь случаем принести ему свою благодарность.

— Вы автор знаменитых «Покровских ворот», одной из лучших «песен о Москве». Можно с уверенностью сказать, что вам не безразлично то, что в ней и с ней происходит...

— Разумеется, приятно, что Москва растет вширь и ввысь, благоустраивается и хорошеет. Но всегда не по себе, когда в процессе этого роста она утрачивает то, что составляет ее историю и связывает с былыми временами, со славными именами. Преемственность — великое дело, а ностальгия — могучее чувство. Я бы не хотел, чтобы Покровские ворота остались лишь названием пьесы и одноименного фильма.

Беседовала Юлия РАХАЕВА